

Семья

СРЕТЕНСКИЙ БУЛЬВАР, ДОМ 5, КВ. 14

Жизнь нашей семьи, начиная с того периода, о котором сохранились более или менее связанные воспоминания (приблизительно с 1946 года), по нашему с братом детскому восприятию, была замечательной. Поскольку мы были малы, то не знали и не понимали многих проблем, с которыми приходилось тогда сталкиваться родителям. Жили мы дружно и весело. Я не припомню, чтобы хоть когда-нибудь у родителей возникали какие-то разногласия между собой или с соседями. Детей в квартире было пятеро — трое у Симачевых и двое — мы с Шуриком. По возрасту мы шли один за другим приблизительно через два года: Лиля, Юра, Шурик, потом я и Ляля. Старшая — Лиля — в нашу компанию не попадала, она была намного старше и казалась нам совсем взрослой. Играли мы вчетвером, а потом, когда Юра подрос и перестал «возиться с мелюзгой», — втроем. Вместе мы бегали во дворе, играли дома. В нашем распоряжении было полно места — прихожая, коридор и наша большая комната. У Симачевых была одна комната, хоть и большая, но там днем всегда работала их мама, она была портниха. Это было, конечно, очень интересно — у нее был даже настоящий манекен, жаль только, что без рук, ног и головы, но долго играть там не разрешалось, потому что мы мешали шить. У нас же, когда мы немного подросли, можно было мастерить — строгать, пилить, забивать, склеивать... Нам разрешалось даже брать папин инструмент, который хранился в большом деревянном ящике под родительской кроватью в маленькой комнате. Только обязательным требованием было подстилать специальную подстилку на стол, когда мы работаем, убирать за собой мусор и класть инструмент на место. Однажды мы с Шуриком в процессе нашего творчества случайно вместе с куском доски отпилили угол нового письменного стола, который совсем недавно родители

купили для Шурика, к его поступлению в первый класс. Мы, конечно, страшно расстроились и боялись, что нам здорово попадет. В ожидании возвращения родителей Шурка для маскировки положил на отпиленный угол книги. Мама, когда обнаружила это дело, конечно, отругала нас. Папа же внимательно рассмотрел изуродованный стол и спокойно сказал: «Ну что ж — бывает». Спокойно взял напильник и наждачную бумагу и зашлифовал края спила, чтобы мы не занозились. Потом объяснил нам, как надо правильно пилить, предупредив, чтобы в следующий раз мы были поаккуратнее.

Сам папа мог сделать все — починить наши игрушки, отремонтировать табурет, стул, кран, раковину, туалет, газовую колонку, починить обувь, портфель, радиоприемник... и даже часы. Причем делал он все это как-то весело, с удовольствием, даже если был усталый после работы. Когда он приступал к делу, то приговаривал: «Т-а-а-к! Что тут у нас такое? Сейчас разберемся!» Нас он при этом никогда не отгонял, не говорил, что мы мешаем, а объяснял, что он делает и как и поручал какое-нибудь «дело», чтобы «помогали». И мы, конечно, с радостью включались в работу.

Был у папы и «заветный» инструмент, которым можно было пользоваться только с его разрешения. Это — его замечательный перочинный ножик и «вжикалка», которые он привез из Бельгии или Швейцарии, когда был там в командировке. Еще у него были малюсенькие отверточки и пинцетик, которые он нам не доверял. Ножик был большой (во всяком случае, так тогда казалось), оранжевый, и на нем был металлический крест. И самое замечательное и удивительное было то, что у него была пила. Там было много всего: два ножа — побольше и поменьше, отвертка, шило, открывалка, ножницы, какие-то щипчики, но почему-то тогда самое большое впечатление на меня производила пила. Папа всегда носил его с собой, чтобы был под рукой «в случае чего».

А «вжикалка» и вовсе замечательная вещь. Это была маленькая ручная электродрель. Называлась она у нас так потому, что при включении издавала такой звук. Корпус у нее был цилиндрический, и внутри него был моторчик. А размер был такой, что даже я, в свои 5–6 лет, могла ее удерживать и что-то сверлить. В ее набор входило много сверлышек с наконечниками разных размеров и конфигураций — шарообразные, цилиндрические, конусообразные, диски и пилки разных размеров. Они были металлические, наждачные, войлочные, фетровые... С помощью «Вжикалки» можно было делать замечательные вещи. Папа с большим удовольствием с ней работал.

Мы с Шуриком были детьми хилыми, как мама шутила — «дети военного выпуска», и состояли на учете в туберкулезном диспансере. В детский сад нас отдавать было нельзя — врачи говорили, что это нас погубит. Какое-то время мама из-за нас не работала, но «из моральных и материальных соображений» стремилась на работу. Потом она устроилась преподавать в Московский электротехнический институт связи (МЭИС). Мама старалась найти кого-нибудь, с кем можно было нас оставлять. Своих бабушек у нас не было. Папина мама умерла, когда он был еще мальчиком, а мамина была занята со своей семьей и другой внучкой Галей от старшей дочери. Жили они вместе и, поскольку девочка росла без отца, то, естественно, бабушка ее очень жалела и вкладывала в нее всю свою душу. Мы так и считали, что она — «Галкина бабушка».

Как рассказывала потом мама, по рекомендации каких-то знакомых она наняла домработницу — очень энергичную, деловую, смышленную молодую

женщину, которую звали Нюрой. С делами она справлялась ловко, все успевала, была очень целеустремленная и часто повторяла: «Жива не буду, но “коверковое” пальто себе справлю!» И справилась, да не только пальто! Однажды мама вернулась с работы и застала нас одних. Нюры не было! Она куда-то исчезла, прихватив с собой почти всю мамину и папину одежду и еще какие-то вещи. Когда стали выяснять, то оказалось, что эта Нюрка обокрала уже не одну семью, и ее разыскивала милиция.

Иногда мама оставляла нас с Натальей Михайловной, свекровью одной из маминых старших сестер — тети Лели (матерью ее покойного первого мужа). Мы ее очень любили и «присвоили себе» в бабушки. Она нас тоже любила и иногда приезжала пожить с нами в Москве или на даче. Позже она переселилась к нам насовсем, так как ей, фактически, оказалось негде жить — тетя Леля снова вышла замуж, и ее муж поселился в их малюсенькой комнатке в большой коммунальной квартире. Наталья Михайловна казалась нам очень старенькой, у нее были страшно изуродованы артритом руки и ноги, и она с трудом передвигалась и почти ничего не могла делать руками. Родом она была с Урала, из Свердловска, из очень простой семьи. Окончила она всего 4 класса сельской школы, потом работала поваром. Папа и мама относились к ней с очень большим уважением, считали ее человеком мудрым, и, как говорила мама, — «исключительной внутренней культуры». Она очень любила читать и перечитала почти всю нашу библиотеку. Когда Наталья Михайловна бывала у нас, то жила, естественно, в большой комнате, где располагались мы с Шуриком, потому что больше было негде. Мы очень любили, когда она, усаживаясь посередине комнаты между моей и Шурикиной кроватями, чтобы никому не было обидно, рассказывала нам «на сон грядущий» всякие интересные истории из прочитанных книг или из своей жизни.

Спустя некоторое время после неприятной истории с «Нюркой-воровкой» у нас появилась замечательная девушка Лизута (Елизавета Фроловна Копылова), которую мы обожали. Она была маленького роста, с красивыми огромными живыми карими глазами, веселым звонким голосом и неиссякаемой энергией. Они с мамой, как подружки, постоянно перешучивались и смеялись. Мы с Шуриком звали ее «Лилипуточка». Тогда как раз вышел фильм «Гулливер в стране лилипутов». Она нас любила, хотя, порой «всыпала», когда мы того заслуживали. Но мы на это не обижались. Со всеми делами она справлялась ловко и быстро и, когда мама возвращалась с работы, она тут же весело заявляла: «Гудбай, покедова! Меня ждут кавалеры!», и бежала гулять. Прожила в нашей семье Лизута довольно долго, несколько лет, пока не решила, что «из домработниц замуж ей не выйти», и поступила работать на завод. Потом она приезжала к нам в гости, как спустя много лет выяснилось, замуж так и не вышла.

Папа был всегда очень занят. Часто уезжал в командировки, а когда был дома, то на работу уходил очень рано, а возвращался, чаще всего, поздно, когда мы ложились спать или уже спали. Если же у него получалось вернуться раньше, он быстро ужинал (ел он всегда очень быстро) и потом обязательно перед сном что-нибудь нам читал или рассказывал. А потом он садился за свой стол и допоздна работал. Когда же у папы был выходной или отпуск, — мы были все вместе!

Родители старались нас «выгуливать» и, по возможности, вывозить куда-нибудь загород. Осенью и весной мы отправлялись на пешие прогулки,

а зимой — на лыжах. Ездили часто с папиным братом, дядей Севой и его семьей. Это было всегда весело и интересно. С нашей двоюродной сестрой Ирккой мы очень дружили. (Дружба наша продолжается и по сей день.) Папа и дядя Сева очень любили друг друга и при встрече всегда шутили и весело обсуждали всякие проблемы, что-нибудь мастерили. Его появление папа всегда радостно приветствовал возгласом: «ООО! Севолóд приехал!» При этом в слове «Севолод» он делал ударение на последнее «о», так это у них было принято с молодости. А потом в разговоре он называл его, как в детстве, — «Сева», «Севка», «Севолод». А мама называла его «Севка» или «Севок». Мы тоже, глядя на них, довольно долго называли его «Севка», «Севолод», и ему это очень нравилось.

ЛЫЖНЫЕ ПРОГУЛКИ

Кататься на лыжах ездили в разные места, но больше всего любили — в Опалиху. Поначалу, когда еще ни у дяди Севы, ни у папы не было машины, ездили на электричке. На лыжах папа с Севкой катались с самого детства. Сначала в Казани, а потом в Москве. Когда до войны папа уже работал в НИИСе, к их компании присоединилась и мама. Тогда у них были самые простые лыжи. Горные они с Севкой купили себе только спустя несколько лет после окончания войны. Тогда был особый шик — лыжи с «гикаревыми» подрезами. У папы была книжка о горнолыжном спорте, и они с Севкой отрабатывали технику поворотов. Получалось у них все очень ловко. Мы же катались на простых лыжах. Крепления были «мягкие» — просто кожаная петелька, в которую вставлялся нос валенка. Папа их усовершенствовал, приладив к петельке толстую резинку, которая натягивалась и зацеплялась за задник валенка, чтобы лыжа не слетала и пятка не вихляла из стороны в сторону. Так было гораздо легче управлять лыжами. Он научил нас, как при спуске с горы надо правильно стоять на лыжах, держать палки, поворачивать и падать. При этом он подчеркивал, что самое главное при катании с гор — уметь правильно падать. Быстро усвоив папины уроки, а объяснял он всегда очень хорошо, мы с Шуриком уже очень скоро лихо катались с гор, при этом сознание того, что мы всегда можем правильно упасть полностью вытесняло страх. Мама каталась где-нибудь неподалеку, чтобы постоянно держать нас в поле зрения. Когда все, накатавшиеся, усталые, возвращались к станции (а позже к машине), мы с Шуриком уже едва плелись — идти по равнине было скучно, да и силы кончались. В то время подъемники были редкостью и, естественно, приходилось каждый раз взбираться на гору самим. Тогда папа, чтобы как-то нас развлечь и подбодрить, показывал нам следы разных зверей — белок, зайцев, лис, мышей, рассказывал всякие истории, читал стихи... В электричке и в метро мы засыпали. А от станции метро «Кировская» (теперь «Чистые пруды») мы полусонные, отсчитывая каждый шаг, медленно тащились к дому, поддерживаемые родителями, нагруженными рюкзаками и лыжами. Помню то непередаваемое блаженство, которое наступало, когда папа наконец брал меня на руки, и я, уже полностью отключившись, засыпала у него на плече.

Каждый раз, когда я оказываюсь на станции метро «Чистые пруды», в памяти у меня всплывают те далекие детские ощущения.

Когда почему-либо поехать за город в выходной не удавалось, то мы с родителями ходили на каток, который был устроен на Чистых прудах, ездили гулять в Зоопарк или еще куда-нибудь.

МОСКОВСКОЕ МОРЕ

Уже позже, когда и у дяди Сева и у папы появились машины, наверное, после 1952-го года, летом мы ездили на Московское море. Компания была большая — человек 10 и собака — фокстерьер. Когда приезжали, то в деревне оставляли машины, собирали байдарки, брали с собой еду, палатки и переезжали на другую сторону водохранилища, где устраивали лагерь, купались, ловили рыбу, собирали ягоды, грибы. Места тогда там были замечательные — лес, огромные поляны, усеянные земляникой, прекрасные бухточки для купания и много рыбы (по нашим меркам).

ПУШКИНО

Иногда папа и дядя Сева сговаривались поехать к их сестре Тане. Брали какую-нибудь еду, угощение, чтобы не обременять ее неожиданным приездом, и все вместе мы ехали в Пушкино. Тетя Таня всегда была очень рада нашему приезду. К своим братьям она относилась с теплом и заботой старшей сестры. Все трое очень любили друг друга и при встрече словно молодели, вели себя как подростки. Папа с дядей Севой начинали ей помогать — что-то прибивать, перетаскивать, отпиливать,... Помню, как-то приехали мы туда в Пасху. Тогда в нашей стране было не принято праздновать религиозные праздники, но в нашем доме, когда стало лучше с продуктами, под руководством Наталии Михайловны всегда пекли куличи и красили яйца. У тети Тани была «пасха», кулич и крашеные яички, и мы тоже что-то привезли с собой. И вот Таня, папа и Сева затеяли, как в своем далеком детстве, катать эти яички с горки, поросшей молодой травкой. Кто-то должен был скатить первым, а другие следом, стараясь попасть в предыдущее и разбить его. Выигрывал тот, чье яичко оставалось целым. Нам это казалось не очень-то интересным, а они развеселились при этом, словно дети.

ПЛАВАНИЕ

Когда мы приезжали к тете Тане летом, то ходили купаться. Место для купания там было очень хорошее — недалеко от какой-то запруды, поэтому течения совсем не чувствовалось, и дно было пологое. К тому же там было не очень глубоко. Мама с папой плавали, а я барахталась у берега и пыталась изображать плавание. Тогда-то папа и научил меня плавать. За один раз.

Плавал он очень хорошо и научился еще в детстве, сам. Техника у него, конечно, была неидеальная. Исходно он плавал «саженками», брассом, на спине и на боку. Потом он постоянно совершенствовал технику, осваивал кроль. Папа был очень выносливым и мог плавать на очень большие расстояния.

Посмотрев на мои барахтанья, он спросил: «Хочешь научиться плавать? Это очень просто. Главное — не бояться опускать лицо в воду». Конечно же, я хотела. «Набери воздух, наклонись, окуни лицо в воду и постепенно выдыхай...» — начал он обучение. С папой было ничего не страшно, и я выполнила задание. «Не страшно? А теперь попробуй утонуть, увидишь, что это не так просто, если не пугаться и не наглатываться воды». Он показал мне, как сделать «бочку». Повторив за ним, я к своему удивлению обнаружила, что, действительно, на дно не опускаюсь. А дальше все было уже совсем просто. К концу нашего занятия я уже поплыла «по-лягушачьи» — «квази-брассом».

Потом, когда я уже училась в школе, в третьем классе, на уроках физкультуры у нас было плавание. Ездили мы в бассейн МЭИ на Красноказарменную

улицу. К тому времени я уже плавала очень уверенно, и на первых же уроках меня отобрали для занятий в секции. Так несколько лет мы с одной девочкой из параллельного класса занимались там в секции плавания. Папа с большим интересом расспрашивал меня о тренировках, подробно интересовался деталями техники различных стилей. Говорил, что теперь я его учу плавать. Он и в правду очень любил учиться. И я с гордостью рассказывала ему о том, что освоила. Когда у меня слишком успешно пошли дела, и начались чуть ли не ежедневные тренировки и соревнования, мама это дело пресекла, сказав, что не собирается из меня делать спортсменку.

ТЕТЯ ТАНЯ

Жизнь у папиной сестры тети Тани сложилась непростая. Выйдя замуж и родив двоих детей, Борю и Лялю, она оставила работу и занялась их воспитанием и домашним хозяйством. Ее муж, Александр Иванович Цыплухин, был инженером-строителем. Здоровье у него было очень слабое, он часто болел. Папа и дядя Сева периодически ей помогали. Растить двоих детей, не работая, при больном муже, очень тяжело. Помню, однажды тетя Таня приехала к нам в гости. Из Пушкино дозвониться по телефону тогда было не так просто, и она приехала без предупреждения. Это был будний день, и папа был на работе. Тетя Таня с мамой долго о чем-то разговаривали, дожидаясь папу, но он задерживался. Мы поужинали, попили чай, стало уже поздно, а папы все не было. Путь у тети Тани предстоял неблизкий и она, так и не дождавшись брата, поехала домой. Когда папа вернулся с работы, мама рассказала ему о приезде тети Тани, и они обсуждали возникшие у нее проблемы. Помню, папа сказал: «Легче у нее не станет и помогать ей надо не от раза к разу, а постоянно и регулярно, чтобы ей не приходилось ездить просить денег и она могла спокойно приезжать просто в гости». И они решили, что будут ежемесячно посылать ей какую-то сумму. Сколько они посылали, я не знала и ничего в этом не понимала. Этот вопрос никогда ни с кем не обсуждался. Просто мама ежемесячно отправляла почтовые переводы. Таким же образом и, по-видимому, такие же суммы они с папой регулярно ежемесячно отправляли и маминим родителям с Галочкой, а также маминой сестре тете Леле, у которой были проблемы со здоровьем. И это продолжалось на протяжении всей их жизни.

Из разговоров Натальи Михайловны с Лизутой, которые откуда-то об этом знали и обсуждали между собой (возможно, им просто на глаза попались квитанции), я поняла, что, по их мнению, сумма была большая.

МУЗЫКА

Когда мне исполнилось 7 лет и я должна была пойти в школу, родители решили учить нас с братом игре на фортепьяно. В музыкальную школу почему-то тогда не отдали, может, не было поблизости, а договорились с учителем, чтобы заниматься дома. Учителя звали Александр Александрович. Он был высоким, грузным, с очень светлыми волосами и глазами и, как мне тогда казалось, пожилым человеком. По-видимому, ему было лет 30. Мы с мамой и учителем, как специалистом, отправились покупать пианино и ноты. Наверное, это был комиссионный магазин, так как пианино, которое выбрали, было немецкое. Мне показалось, что звук у него изумительный.

Вечером вернулся домой папа. Мы выскочили сообщить ему замечательную новость, и он сразу кинулся к инструменту: стал его рассматривать, открыл

крышку и стал изучать, как там все устроено, попробовал, какой звук... А потом, к нашему изумлению, сел за инструмент и начал что-то наигрывать. Просмотрел все купленные ноты и заявил: «Замечательно, будем учиться!»

Начались занятия. Шурик сразу восстал, заявив, что это не мальчишеское дело. Мама настаивала. После того как мирные переговоры с мамой зашли в тупик, он решил просто бойкотировать занятия. Пару занятий просидел как «истукан», ничего не делая, в результате чего разъяренный учитель заявил маме, что с таким учеником заниматься он отказывается. Шурка праздновал победу. На том, к его великому удовольствию, музыкальное обучение и закончилось. Правда, от мамы он за это получил хорошую выволочку. Но гораздо большим наказанием для него было папино возмущение таким безобразным поведением: «Заниматься или не заниматься музыкой, — жестко сказал он, — ты должен решать с родителями, а не обижать так человека, который для тебя же старается сделать доброе дело!»

Мы же с папой, к нашему великому удовольствию, продолжали заниматься. Приходя с работы, он садился за инструмент, спрашивал меня, какое домашнее задание, и очень тщательно и быстро его выполнял. Обогнал меня он очень скоро. Его мечта была как следует освоить «Лунную сонату», которую так любил слушать в детстве в исполнении его папы. К сожалению, папе редко удавалось вернуться с работы рано. Чаще он приходил, когда мы уже ложились спать и играть на пианино было уже нельзя. Инструмент стоял в большой комнате, где была наша столовая, гостиная, детская и спали мы с Шуриком. У него оставалась возможность играть только в воскресенье, если он не был на работе или в командировке, или мы не уезжали все вместе кататься на лыжах или просто гулять. По вечерам после работы обычно садился за письменный стол и допоздна работал. А потом у него было все больше и больше работы, а времени становилось все меньше и меньше.

Много лет спустя папа вспоминал, что когда он вступил в Партию (ВКП(б)), то потребовалось «вести общественную работу». Ему, как профессору, в качестве общественной нагрузки предложили работу в комиссии по образованию райкома партии. Он должен был проверять, как идут дела в учебных заведениях: институтах, техникумах и школах. Тогда он решил «использовать свое служебное положение в личных целях» — выбрал себе одним из объектов проверки музыкальную школу — занятия по сольфеджио. В детстве, когда его учили музыке, сольфеджио он не проходил, и теперь с большим интересом прослушал несколько занятий и познакомился с литературой по этому предмету, восполнив заодно пробел в своем образовании.

НЕВЕРОЯТНЫЙ СЛУЧАЙ

Папа любил ходить пешком, наверное, сказывалась многолетняя привычка. Ходил он быстро, энергично. Часть пути на работу и с работы он, как правило, не ехал, а шел. Транспорт тогда работал не очень надежно, и он говорил, что зачастую добираться пешком если и дольше, то ненамного, но зато гораздо надежнее.

По вечерам, после того как нас укладывали спать, они с мамой иногда выходили ненадолго погулять — бродили по улицам и бульварам. В выходные, если мы никуда не уезжали по причине плохой погоды или накапливались важные дела, или мы должны были сидеть дома из-за того, что были простужены, они отправлялись куда-нибудь прогуляться без нас, не очень надолго — просто

походить, сходить в Третьяковку или в Пушкинский музей. Иногда они ходили на концерты (классической музыки), в театр или кино. Но это бывало не очень часто. Вечером они старались нас не оставлять надолго.

В один из зимних выходных папа с мамой решили «пройтись». Зашли они куда-то далеко, чуть ли ни на Ленинские горы. А когда возвращались домой, папа обнаружил, что у него пропали перчатки. Хорошие такие, меховые. Купил он их себе в Бельгии, в командировке, когда был там в зимнее время. В холод у него всегда очень мерзли руки, и обычные шерстяные перчатки не спасали, а такие меховые у нас не продавались. Этой пропажей он был, конечно, очень раздосадован. Но, что поделаешь?

Через день или два, возвращаясь с работы, он проходил по Кировской (теперь Мясницкой) и, как часто это делал, заглянул в книжный магазин, а потом — где продавались инструменты. Когда он рассматривал что-то на прилавке, стоящий рядом мужчина тихо, вполголоса, спрашивает: «Перчатки не нужны?» Обычно папа «с рук» ничего не покупал — чаще всего так продавали ворованные вещи. А тут его словно что-то заставило поинтересоваться:

— Покажите.

Мужчина достал одну перчатку и протянул ему... Папа взял, смотрит — перчатка-то его! Невероятно! Но в Москве такие встретить трудно, в продаже-то их нет. Тогда он, как ни в чем, ни бывало, поинтересовался:

— А вторая-то есть?

— А как же! — ответил продавец и протянул вторую.

Взял папа вторую перчатку, смотрит — точно! Слегка порвана в том самом месте, что и его! Сложил он обе перчатки вместе, рассмотрел еще раз повнимательнее и говорит:

— Ну что ж, хорошо. А теперь пошли в милицию.

И тут продавца «как ветром сдуло»!

Потом папа «прикинул» вероятность этого события — оказалась она ничтожно малой!

ЛЕТНИЙ ОТДЫХ

На лето родители снимали дачу под Москвой, чтобы «проветривать» наши с Шуркой легкие. Когда дача была уже снята и предстоял переезд, мы перво-наперво отправлялись туда наводить порядок. Начиналось все с морения клопов, чистки и мытья окон, полов и т.п. Этим всем, в основном, занималась мама. Мы тоже, конечно, помогали по мере своих сил. У папы была работа, требующая большей физической силы и квалификации, — он что-то чинил, прибывал, вешал, двигал, перетаскивал. Вещи перевозили на грузовике. Вообще переезд на дачу был замечательным событием. Папа заранее заказывал где-то грузовик на намеченный выходной. Мама собирала вещи. Везти предстояло почти все: одежду, продукты, посуду, стол, стулья, кровати, матрасы, одеяла, постельное белье, книги, велосипеды... Все это собиралось, упаковывалось, увязывалось. Потом было много переживаний по поводу погоды. Не пошел бы дождь — тогда намокнут все вещи, ведь кузов открытый. Нас с Шуриком погода беспокоила потому, что мы надеялись поехать в кузове, на вещах, что было возможно только при хорошей погоде. В намеченный выходной с самого утра мы с Шуркой все время выглаживали в окно, выбегали на улицу посмотреть — как там с погодой, ни пришла ли машина. Наконец, появлялся грузовик, и наступал самый волнующий момент — погрузка. Главным был папа. Он был

очень сильным — перетаскивал крупные вещи, поднимал, ставил и закидывал их в кузов, поручал нам приносить какие-нибудь мелочи. По-видимому, для того чтобы мы не путались под ногами. Мама стояла в кузове и аккуратно все расставляла, раскладывала, чтобы ничего не падало, не болталось и не кувыр-калось. Время от времени родители пересчитывали вещи — не забыли ли что? Все это было очень здорово! Когда уже отправлялись в путь, папа садился рядом с водителем, чтобы показывать дорогу. Иногда к нему пристраивался Шурик, а мы с мамой ехали на поезде. Когда же мы немного подросли и в день переезда выдавалась очень хорошая погода, папа с Шуриком устраивались в кузове, а мы с мамой в кабине. Бывало, правда, что и мне удавалось уговорить родителей и тоже прокатиться в кузове. А потом, по приезде на место, начиналась суматоха разгрузки, перетаскивания вещей, обустройства...

КРАСКОВО

Несколько лет подряд (1946—1948 гг.) родители на все или на часть лета арендовали дачу в поселке Моссовета, который находился в Красково (по Казанской железной дороге). Когда мы приехали туда в первый раз, — это был голый участок, на котором росла одна сосна и стоял пустой покосившийся летний дощатый домик.

Родители с энтузиазмом принялись осваивать участок. Прежде всего, в дальнем углу они вскопали огород. Посадили там картошку, морковку, репу, зелень, зеленый горошек, кабачки... Потом занялись озеленением. Посадили сирень, акацию и еще какие-то кусты, три канадских клена и, конечно, цветы. Цветы были самые бесхитростные: бархотки, ноготки, настурции, душистый табак, флоксы. Когда сажали клены, то никто из нас не знал, что же это такое, как они выглядят. Это было что-то загадочное, и мы с нетерпением ждали, когда же распустятся первые листочки.

Через три года участок было не узнать — все прижилось, выросло, распустилось, расцвело. Когда папа с мамой все это обустроивали, кто-то из знакомых заметил: «Да что вы столько сил вкладываете в чужой участок, все равно его отберут». На что папа спокойно возразил: «Ну что же, сейчас мы этим любимся, а потом будут другие радоваться».

На даче мы жили с мамой, которая часто уезжала в Москву по делам, с Ли-зутой, и иногда с Натальей Михайловной.

Когда папа не был в командировке, то вечером после работы приезжал на электричке к нам на дачу и привозил продукты. Мы всегда старались его дожидаться, потому что знали, что он обязательно почитает нам какую-нибудь книжку или расскажет что-нибудь интересное. Больше всего мы любили папины «сочинения». Сезон начинался с какой-нибудь книги, например с «Бибигона» Корнея Чуковского, а потом — полет фантазии... Приключения, придуманные папой, были гораздо интереснее, чем в книгах. Его рассказ мог продолжаться несколько месяцев. Вечерний ритуал заканчивался тем, что папа показывал нам свои замечательные наручные часы со светящимися циферблатом и стрелками. Тогда это казалось чудом — светятся в полной темноте! Целовал нас, желал спокойной ночи, и мы, счастливые, засыпали.

Много позже я узнала историю этих часов. Именно их упоминал в своих воспоминаниях о своем учителе его бывший студент и аспирант — профессор Андрей Леонидович Зиновьев [73].

Днем мы занимались своими ребячьими делами, играми...

Самыми счастливыми периодами нашей жизни были папины выходные и особенно отпуск — тогда он был с нами и обязательно придумывал что-нибудь интересное.

Все вместе мы путешествовали на велосипедах. Пока мы были еще маленькими, Шурикино место было у папы на раме, а мое у мамы на багажнике. Папа соорудил Шурику сидение, прикрепленное к раме, и «педали» — подставки для ног. А мне — удобное сидение на багажнике, ручки, за которые я могла держаться, и тоже «педали». Шурке я ужасно завидовала. Мне так хотелось ехать с папой, а не болтаться в хвосте у мамы на багажнике. Обычно маршрут намечал папа, и они с Шуриком ехали впереди, а мы с мамой следом. У папы был велосипед «ХВЗ» (Харьковский велосипедный завод) — большой черный с толстыми шинами. У нас он так и назывался — просто «ХВЗ». А у мамы был очень красивый синий велосипед с разноцветной сеточкой на заднем колесе, чтобы юбка не залезала в спицы. Также мощный, какой-то немецкой фирмы, который папа купил ей в комиссионном магазине. (К тому времени их американские велосипеды уже украли.)

Путешествовали мы по окрестностям Красково, ездили в Малаховку на рынок, в гости, в лес за грибами, купаться на озеро или речку Пихорку и просто гулять.

В лесу мы спешивались. Мама и папа вели велосипеды, а мы по родительской «наводке» шныряли под кустами и деревьями, выискивая грибы. Иногда, к великой нашей радости, удавалось даже что-нибудь найти.

Очень любили ездить на удивительное озеро (или пруд), которое образовалось в песчаном карьере. Песок там был белый-белый, а вода синяя-синяя и очень прозрачная. Нашим любимым развлечением было всем вместе, «хором», — папа, мама, Шурик и я, скатываться кубарем с крутого песчаного берега и плюхаться прямо в воду с огромным фонтаном брызг. Сплошной восторг! Родители плавали, а мы тогда еще не умели, поэтому бултыхались под их присмотром у самого берега, поскольку дно резко уходило в глубину.

Позже папа рассказал, что в этом месте был очень чистый кварцевый песок, который использовали как сырье на электроламповом заводе. В результате разработок образовался карьер, который потом заполнился дождевой, а может, ключевой водой.

Еще были замечательные поездки на речку Пихорку. Купаться там было не так здорово, как на озере, но тоже хорошо, хотя берег у нее травянистый, а дно илистое. Но мы все равно были очень довольны. Гвоздем же программы в этих поездках была замечательно красивая оранжевая надувная лодка — десантная (то ли немецкая, то ли американская, купленная папой, наверное, в комиссионке). И хотя она была одноместная, мы помещались там вдвоем — кто-нибудь из родителей со мной или Шуриком. В первый раз, когда папа ее надул и спустил на воду, отправляться в плавание было ужасно страшно. Сделана лодка была из очень тонкой и легкой ткани и казалась такой хлипкой, что вот-вот лопнет или у нее прорвется дно, и мы сразу утонем. Папа же был очень доволен своим приобретением. Он объяснил нам все достоинства лодки, продемонстрировал ее надежность и безопасность, показал, как следует грести и управлять ею, после чего мы осмелились в нее залезть. Потом мы с большим удовольствием плавали на ней. Больше всего нам с Шуриком нравилось грести. Весла были легкие, так что мы вполне с ними справлялись. Папа устраивал даже соревнования — кто быстрее преодолеет на лодке определенную дистанцию. Убиралась эта лодка

в небольшой мешочек, который папа возил за спиной или прикреплял к багажнику своего велосипеда.

По пути родители любили остановиться у ларька, где продавались холодное пиво или квас. Нам с Шуриком покупали квас, а сами они пили пиво, да с таким удовольствием, что мы как-то упросили их дать попробовать, уж больно аппетитно выглядела пышная пена. Потом мы с Шуркой все удивлялись: «Неужели, действительно, им нравится такая гадость?» То же самое было и с рябиновым вареньем, которым нас угощали в гостях у Грудинских — папиных знакомых из МЭИ. Они тоже жили на даче в Красково, только по другую сторону железной дороги. Когда родители хвалили их угощение — жуткую горечь, то мы заподозрили, что делают это они из вежливости. «А тут-то что? Странные вкусы у этих взрослых!»

ПАЛЬМА

Тогда же в Красково у нас появилась первая собака. Папа очень любил животных, и собак, и кошек. Потом у нас в доме все время были и собаки и кошки. А эту первую — Пальму, немецкую легавую, подарил нам папин друг детства Левка Крушинский. Он был биологом, заядлым охотником и страшно любил собак. Так вот эта Пальма была замечательным маленьким темно-темно-коричневым бархатным существом. Избаловали мы ее, как выражалась мама, «вдрызг». Росла она не по дням, а по часам, учиняя разбой на всех окружающих участках. Все тапки наших соседей притаскивались к нам домой, и мамина задача была быстро, пока она их не обгрызла, вернуть хозяевам. Родители пытались ее воспитывать, но из этого ничего не вышло. Однажды наша Пальма заболела. Мы все страшно расстроились. Папа с работы по телефону проконсультировался у Левки, что с ней могло произойти, и тот сказал, что, возможно, это «чумка». В ближайший выходной родители договорились везти ее к ветеринару. Но тут случилось следующее. Мама собиралась готовить обед, как вдруг обнаружила, что куда-то пропал большущий (так мне тогда казалось) кусок сырого мяса. Она была в полном недоумении! Ужасно, конечно, расстроилась, потому, что с продуктами тогда было очень плохо, а нас кормить надо. А на следующий день наша Пальма вдруг поправилась — бегаёт себе, как ни в чем ни бывало, бодренькая, веселенькая и здоровехонькая. Тут-то уж мама догадалась, куда «испарилось» мясо. Она страшно рассердилась и хотела сыпать собаке как следует, но папа стал ее успокаивать: «Нюсенька, ну что ж теперь поделаешь? Наказывать собаку уже поздно, она не поймет. Зато посмотри, она ведь поправилась!»

Прожила у нас Пальма недолго. Когда мы в конце лета вернулись в Москву, естественно, она приехала с нами. Все детское население нашей квартиры было счастливо. Ее все обожали. Взрослые Симачевы тоже относились к ней тепло. Обитала она, в основном, в нашей детской-столовой. Выросла она большущей собакой. Она была сильная и непослушная, и мы с Шуриком справиться с ней не могли, не хватало сил ее удержать, поэтому гуляли с ней взрослые. Рано утром, перед работой, и поздно вечером с ней гулял папа, а в остальное время — мама или Лизута. Слушалась она только папу, которого очень любила. Маму она тоже любила и побаивалась, а с остальными вытворяла, что хотела. Могла, если зазеваешься, съесть твой обед, ночью прокрасться в кровать вдоль стеночки, а когда ей надоест лежать в такой позе, упереться лапами в стену и столкнуть хозяина кровати на пол. Но все это она проделывала, конечно,

в отсутствие родителей. А однажды Пальма напилась пьяной. Это произошло в новогоднюю ночь. Потом папа со смехом рассказывал нам эту историю. У родителей были гости. Они праздновали в большой комнате, а нас положили на свою кровать в кабинете. Все веселились, а Пальма лежала себе в уголке, спокойно наблюдая за происходящим. Собака она была добрая, не кусачая. Никто не заметил, когда она выбежала из комнаты. Обратили на нее внимание, только когда она влетела в комнату и начала скакать по нашим кроватям, гоняться за своим хвостом, в буквальном смысле, «до упада», подскакивать к гостям и стараться лизнуть их непременно в лицо. И, наконец, самый ее коронный номер — она с необыкновенным упорством раз за разом пыталась задом впрыгнуть на диван. Тут уж папа решил, что это слишком — с ней что-то неладное. Он сумел ее приласкать, успокоить, и она сладко заснула, растянувшись на диване. А выяснилось следующее. Мама еще осенью, специально к Новому Году, заготовила вишневую наливку. И тут она процедила ее и поставила на стол. Пьяную вишню она выложила на тарелку и тоже подала к столу. Ягоды были вкусные, и гости понемногу их ели. Кто-то из присутствовавших на празднике угостил вишенкой Пальму. Ей это понравилось. Когда же мама унесла на кухню грязную посуду, а вместе с ней и остатки вишни, Пальма, улучив момент, прошмыгнула в кухню и все эти ягоды съела. Ну, а потом опьяневшая собака начала веселиться.

Когда мама ласкала Пальму, то обычно приговаривала: «Дурища ты, дурища, за что я тебя люблю и прощаю все безобразия, так только за то, что ты чистоплотная».

Так мы и жили, пока, наконец, однажды бабушка Симачевых, Александра Яковлевна, не взмолилась: «Нюся! Я так больше не могу!» Человек она была очень деликатный, и уж если она так сказала, значит, «довели ее до точки». А оказалось, наша хитрющая Пальма была такой чистюлей только в наших комнатах и коридорах, а комнату Симачевых определила себе как «место выгула». И делала это она, видимо, из вредности, ведь с ней регулярно ходили гулять. Для родителей это был шок! Оказывается, соседи столько времени терпели такое безобразие. Естественно, они очень извинялись перед Симачевыми. Пальма некоторое время была «под арестом» в нашей комнате. Но все равно ухитрилась выскользнуть к Симачевым. Тогда папа с мамой решили, что остается единственный выход из положения — пристроить ее куда-нибудь в хорошее место. Папа позвонил Левке, рассказал эту печальную историю, и тот сразу согласился забрать ее обратно себе. Мы, конечно, очень горевали по ней. Через некоторое время дядя Лева нас порадовал, — с гордостью рассказал, что наша Пальма стала замечательной охотницей.

СТРАШНАЯ ИСТОРИЯ

Однажды, когда мы были на даче в Красково, у нас произошла страшная история. Мы с Шуриком, как это бывало частенько, вечером как следует не убрали разбросанные по полу игрушки. А Наталья Михайловна, встав ночью, споткнулась, упала и стукнулась головой о ножку игрушечной железной печки. Открылось страшное кровотечение — она рассекла сосуд на виске. Телефонов не было, машины не было. Ближайшая больница в нескольких километрах в Люберцах. Помощи ждать неоткуда. Родители срочно, как могли, перевязали рану, и папа потащил бабушку на себе в больницу. Она и так едва ходила, у нее были больные ноги, а тут совсем ослабела, и ноги ее не держали. Сначала папа

с мамой попытались нести ее на руках, скрестив их, как сидение. Но было очень трудно — женщина она была крупная, тяжелая, а держаться сама как следует не могла, и родители боялись, что она упадет. Тогда папа взвалил ее себе на спину и потащил сам. Мама же поддерживала бабушку, чтобы она не «съезжала» в сторону. К счастью, они успели вовремя, потеря крови была большая, но спасти ее удалось. Мы с Шуриком узнали об этом только утром. Когда все это произошло, мы спали, и родители решили нас не будить, нужно было срочно действовать, и возиться с нами было некогда. Они просто заперли дверь, оставив нас одних. Вскоре бабушка поправилась, и ее выписали из больницы. А у нас с братом так и осталось на всю жизнь чувство вины перед ней. Потом Наталия Михайловна жила у нас постоянно до конца своих дней. Прожила она до 80 лет.

В Красково мы прожили три лета, а потом этот участок приглянулся какому-то начальнику, и папе в его аренде отказали.

В эти же годы по совету врачей нас два раза вывозили в Крым, в дом отдыха МЭИ, который находился в Алушке. Ездили мы с мамой, потому что папа был очень занят. Он приезжал к нам только на несколько дней. Только эти несколько дней нам там и понравились, потому что с папой было интересно — все вместе мы отправлялись путешествовать. Маме одной с нами было непросто, мы тогда были еще маленькие, и нас надо было все время «держат под присмотром». В общем, нам с Шуркой там очень не понравилось — жара, босиком бегать нельзя, никакого раздолья, и больше мы ни за что не хотели туда ехать.

Следующие несколько лет родители снимали дачу в Удельной, по той же Казанской железной дороге, но на две остановки дальше от Москвы.

НОВАЯ КВАРТИРА

По-видимому, в 1950 году вступил в строй учебно-лабораторный корпус МЭИ, и туда стали съезжаться лаборатории, разбросанные по разным местам. Переехали и лаборатории из дома № 29, что на улице Казакова. Того самого дома, в котором поселились Котельниковы, когда в 1924 году приехали из Киева. Тогда профессорами МВТУ была заселена только часть одного подъезда, а остальная часть здания была занята под лаборатории. Теперь же почти все они перемещались в новый корпус, а освободившееся помещение начали переделывать под отдельные квартиры для профессоров. Папе выделили вакуумную лабораторию. Это были, как теперь говорят, «квартиры со свободной планировкой». Как я полагаю, строились они силами и за счет института, поскольку площадь была ведомственная, но будущим жильцам предоставлялась возможность проявить инициативу и спланировать ее по своему усмотрению, конечно, в соответствии со всеми установленными строительными нормами.

Мама была в полном восторге! Мало того, что у нас будет своя отдельная квартира, так у нее еще и появилась возможность частично реализовать свою мечту — поработать архитектором. В основном, всеми строительными делами занималась она. Папе было некогда, он только давал ей советы и решал принципиальные вопросы. Волынки с этой квартирой, как вспоминали родители, было довольно много. Что такое вакуумная лаборатория? Это — ртуть. Стекланные ртутные манометры имели обыкновение биться, а студенты, конечно, недолго думая, выливали эту ртуть в раковину, где она скапливалась в колене, а та, которая оказывалась на полу, — в щелях паркета и под ним. Как вспоминал потом папа, к ртути тогда было совсем другое отношение, чем

теперь, — ее не считали такой уж вредной, поэтому при строительстве из колен раковин ее просто слили в банку и туда же поместили ту, которую удалось собрать после вскрытия полов. Этим и ограничились. У нас потом долго хранилась литровая бутылка с притертой пробкой, почти полностью заполненная ртутью. Папа иногда давал нам ее подержать — ужасно тяжелая! Так мы и жили себе спокойно в «ртутной» квартире.

Квартира получилась трехкомнатная. Наша с Шуриком комната была, наверное, метров 12–14, а проходная столовая и родительская комната (папин кабинет и их спальня) — метров по 18–20. Переехали мы туда осенью 1951 года. Помню, когда мы первый раз вошли в уже готовую, но еще пустую квартиру, — дух захватило! Все двери были распахнуты, и она показалась огромной! Натертые до блеска полы сияли. В столовой двери, из прихожей и другая — в кабинет, расположены были по диагонали и, помню, папа, разбежавшись по прихожей, проехал насквозь прямо в кабинет. И тут мы, развеселившись, с хохотом стали все по очереди кататься через столовую — кто дальше проедет!

Комнаты — детскую и родительскую — планировалось укомплектовать нашей старой мебелью, а для столовой еще до переезда купили рижскую мебель: раздвижной обеденный стол, стулья, сервант и диван. Маме она очень нравилась, до этого у родителей никогда не было такой красивой мебели. В ожидании переезда все эти вещи, поставленные друг на дружку, разместили в нашей большой комнате. Мы с Шуркой были очень довольны — жили как в замке. В то время у нас были кот Василий и собака, молодая и резвая немецкая овчарка Джульбарс. Кот был «в возрасте» и Джульбарса терпел. А пес относился к Василию с нежностью и с открытой душой лез к нему ласкаться, облизывал его и приглашал поиграть. Как правило, все заканчивалось потасовкой. Однажды, как обычно, мы сидели все вчетвером и ужинали. Василий расположился рядом на валике дивана и спокойно созерцал, а развеселившийся Джульбарс подбежал к нему и стал тщательно вылизывать. Кот терпел. Когда же пес дошел до головы, а язык у него большущий, почти с голову кота, Васькино терпение лопнуло. Он зашипел, «отбарабанил» лапами Джульбарса по морде и стрелой взлетел на самый верх пирамиды из мебели. Джульбарс с отчаянным лаем рванул за ним и, подпрыгивая, старался взобраться следом и поймать обидчика. Василий же, обосновавшийся на верхотуре, шипел на него, ошестинившись. Мы с Шуркой покатывались со смеху. Мама бросилась спасать «драгоценную мебель», опасаясь, что пес изуродует ее своими когтями. Мебель, хотя и была развернута наружу тыльной стороной, все же кое-какие ее лицевые части оказывались вполне уязвимыми. Папа, стараясь отвлечь чем-нибудь Джульбарса от этих гонок, увещевал маму: «Нюсенька, не надо обижать собаку, ему и так незаслуженно досталось от Василия. А с мебелью ничего страшного не случится, большая часть ее полированной поверхности недосыгаема для собачьих когтей». В конце концов, ситуация разрядилась. Джульбарс очень любил папу. В спокойной обстановке слушался его беспрекословно, но даже и в такой критической ситуации папе довольно скоро удалось его образумить. Все закончилось благополучно.

Откуда у нас взялся Василий, я не помню. Скорее всего, его откуда-то притащил Шурик. А Джульбарса мы вымолили минувшим летом у родителей, когда снимали дачу в Удельной.

У хозяев дачи, которая была недалеко от нашей, оценилась собака — немецкая овчарка. Вся ребятня ближайших улиц бегала туда смотреть щенят.

Нам разрешалось даже поиграть с ними. Собака — злющая Джильда, была, конечно, где-то привязана. Один из щенков как-то сразу полюбил нас с Шуриком и, когда мы приходили, мчался к нам и сразу начинал играть. Нам он тоже очень нравился. Мы стали упрашивать родителей, как мама говорила «канючить», чтобы они купили его нам. Родители — ни в какую. У них уже был печальный опыт с Пальмой, и они говорили, что не могут допустить опять такого свинства по отношению к Симачевым. Тогда мы с Шуркой собрали все свои наличные деньги, которые были у нас в копилке — 3 рубля, и он внес за собаку залог. Это было как раз незадолго до Шурикиного дня рождения, и он со слезами умолял маму с папой доплатить остальные деньги и подарить ему в день рождения собаку. Говорил, что в жизни ему ничего не нужно, кроме Джульбарса. Мы с ним уже так называли щенка. Тогда шел фильм про героическую «пограничную» собаку — немецкую овчарку по имени Джульбарс. Наконец родители «дрогнули» и подарили Шурику на день рождения эту собаку. Мы были счастливы. Когда пришло время уезжать в Москву, под наши вопли и слезы Джульбарса оставили соседям по даче, которые жили там круглый год и очень хотели взять себе собаку. Думаю, родители договорились с ними обо всем с самого начала, когда брали собаку. В Москве мы все, конечно, страшно горевали по Джульбарсу. Все его полюбили. В ближайшее воскресенье мама с папой отправились проведать его. Нас с собой не взяли, чтобы мы сами не расстраивались и не терзали их. Вернулись очень грустные. Сказали, что просто устали, а с Джульбарсом все в порядке, он передавал нам привет и ждет на следующее лето. А однажды вечером, через несколько дней после их поездки в Удельную, вдруг мама появляется с собакой. Оказалось, что когда они туда приехали, то застали ужасную картину. Джульбарс несчастный, отошавший, с визгом, лаем, чуть не плачем кинулся к ним и никак не мог успокоиться. А его новые хозяева рассказали, что ужасно переживали за пса. Он все это время ничего не ел, не пил, лежал и выл. Думали, что он так и погибнет. Вынести такое, конечно, было невозможно. Папа сказал, что раз уж мы взяли Джульбарса, приручили, то теперь так его оставлять бесчеловечно. Вся ответственность за него лежит на нас. Вернувшись, папа поговорил с Симачевыми, рассказал им о сложившейся ситуации. Пообещал, что собаку будем воспитывать, держать только у себя в комнате. К тому же мы должны были вскоре переехать на новую квартиру. Они согласились. Люди они были добрые, и отношения с ними были очень хорошие. Папа купил книжку «Собаководство» и сам занялся воспитанием Джульбарса. Мы, конечно, тоже его дрессировали. А на следующее лето мама даже ездила с ним в «собачью школу», которая находилась в Ильинском, недалеко от Удельной. Джульбарс был очень умный, и заниматься с ним было одно удовольствие. Все мы его обожали. Он стал членом нашей семьи. Был у Джульбарса единственный недостаток, а может, достоинство, — он был очень «злой» к чужим людям. Но это уже другая история.

Когда мы переехали на новую квартиру, часть нашего подъезда была уже заселена, а часть квартир еще только строилась. Лаборатории почти все уже переехали. Осталась только лаборатория электрических машин, которая находилась на первом этаже, и еще очень долго никуда не переезжала. Во всяком случае, до 1958 г., а может, и еще дольше. Там были огромные маховики, и когда они работали, то дом дрожал так, что у нас, на пятом этаже, даже посуда в серванте дребезжала, а в графине, стоявшем на столе, плескалась вода.

Все жильцы нашего дома в той или иной степени были между собой знакомы, поскольку работали в МЭИ, и когда было свободное время, заходили в гости друг к другу.

Мне не запомнилось, устраивали ли родители новоселье. По-моему, его отмечали вместе с Новым 1952 годом. Помню только, что друзья родителей по этому случаю подарили им замечательную статуэтку красивой молодой женщины, которая, как они уверяли, олицетворяет хранительницу домашнего очага и очень похожа на нашу маму. Поставили ее в столовой. И куда бы мы ни переезжали, она всегда красовалась в столовой нашей квартиры, а в папином кабинете всегда стоял Дон Кихот, чуть позже подаренный его студентами. И только после папиной смерти обе эти скульптуры — прообраз мамы и прообраз папы соединились и стали жить вместе в папином кабинете, где он работал последние свои годы.

В Новый год у родителей собиралась большая компания. Из нашего дома, насколько я помню, бывали Мешковы, Владимир Васильевич и Цицилия Ильинична, Бабиковы, может, еще кто-нибудь и папины сослуживцы из МЭИ. Почти всегда бывали Евтяновы и Кагановы. Иногда приезжали дядя Сева с тегей Алой одни или еще с кем-нибудь из друзей. Жены готовили свои коронные блюда. Мама обычно пекла торт «Наполеон», варила студень, делала заливного судака и салат с крабами. Наверное, и еще что-нибудь, но запомнилось именно это, потому что считалось у нас самым вкусным. Нас с Шуриком укладывали спать в родительской комнате, которая находилась в глубине квартиры, за столовой. А для праздника использовалась столовая и наша комната. Конечно, мы долго не засыпали — у них там было такое веселье, а мы тут лежи, спи! Тогда мы с Шуркой под предлогом того, что нам надо в туалет, шмыгали все время через столовую, прихватывая по пути что-нибудь вкусненькое со стола, и устраивали свой, локальный пир. В Деда Мороза мы уже не верили и поэтому в отличие от детских лет не очень-то старались заснуть до 12 часов. В конце концов папа сказал, что раз уж мы все равно не спим, то чем мы будем бегать туда-сюда, лучше нормально поучаствовать в празднике, и нам разрешали немного побыть с ними. Взрослые веселились как дети — перешучивались, хохотали, танцевали, рассказывали смешные истории... Тон задавала самая громогласная Елена Павловна Евтянова. Какое-то время мы Шуриком с интересом все это наблюдали, но надолго нас не хватало, и мы добровольно отправлялись спать. А утром под елкой нас ждали подарки!

НОВОГОДНЯЯ ЕЛКА

В нашей семье, конечно, самым любимым праздником был Новый год. Традиционно, сколько я себя помню, елкой занимался папа. Он покупал большую елку — до самого потолка. Однажды купил даже две, только очень «тощие». Как они с мамой смеялись — «елки-палки». Просто когда он выбрался на елочный базар, хороших уже не осталось, и он решил выйти из положения таким образом. Дома папа их так искусно связал вместе, что получилась одна роскошная пушистая, как мама ее назвала, — «королева елок». У папы была разработана своя система установки и крепления елки. Он брал табурет, переворачивал его вверх ножками, вставлял туда ведро, в котором уже были им сделаны распорки, чтобы ствол там фиксировался, а затем веревками растягивал его к ножкам табурета. В момент установки, конечно, мама ему помогала — держала елку, а потом «юстировала», чтобы ствол стоял вертикально. Затем наливалась в ведро вода, и, наконец, все это хозяйство маскировалось «сугробом» из белой простыни. При таком креплении елку можно было даже аккуратно передвигать по комнате. Мы, конечно, крутились тут же, помогали. Потом начиналось самое

интересное. Папа доставал коробку с елочными украшениями. Было их тогда, конечно, совсем немного, и они были очень простенькими, не такими, как сейчас, но нам они казались сказочно красивыми. Гирлянда была из простых небольших лампочек, покрашенных лаком трех цветов — красным, зеленым и синим, а некрашенные были «желтыми». Распутав гирлянду, папа начинал ее «прозванивать». Тут же на столе был включенный паяльник, и в комнате стоял изумительный запах елки и канифоли. Всем этим папа занимался спокойно, с большим удовольствием, объясняя нам, что он делает, и, время от времени, давая какие-нибудь поручения. Помню, мы с Шуриком спросили, почему он так говорит — «прозванивать». Тогда папа моментально спаял нам электрическую схему со звонком и показал, что происходит, когда цепь замыкается и замыкается. Приведя все в порядок, папа развешивал гирлянду, потом бусы. Игрушки мы уже развешивали вместе. Мама то и дело прибегала с кухни — ей тоже хотелось украшать елку. Она вешала несколько игрушек и опять убегала... А в завершении, поверх всего набрасывалась легкая мишура. Елка готова. Включалась гирлянда, тушился в комнате верхний свет, и наступал сказочный момент — красавица-елка сияла и переливалась разноцветными огоньками. Это было начало праздника!

Из года в год все мы с нетерпением ждали этого момента, и каждый год папа с большим удовольствием выбирал, устанавливал и украшал новогоднюю елку. (Последний раз папа украшал елку накануне Нового 2005 года, чуть меньше, чем за полтора месяца до своего ухода из жизни.)

Когда мы были совсем маленькими и верили в существование Деда Мороза, то под Новый год старались пораньше лечь спать. «Ведь известно же, что Дед Мороз приносит подарки только тем детям, которые уже спят!» А утром мы вскакивали и мчались к елке смотреть, что же принес нам Дед Мороз. Но время шло. Шурка был старше меня, и у него первого возникло сомнение насчет существования Деда Мороза. Накануне Нового года мы с ним на эту тему спорили. Убедительных доводов у него в защиту этого предположения не было. Тогда решили спросить родителей. Мама с папой переглянулись, и папа говорит: «Если возникают в чем-нибудь сомнения, то надо с этим разбираться. Понаблюдать, подумать». «Как же наблюдать? — загалдели мы. — Ведь тогда он подарок не положит под елку!» Папа засмеялся и говорит: «Ну, тогда можно придумать что-нибудь другое. Например, внимательно изучить обстановку, и по всяким признакам определить — прилетал он или нет». Это нас устраивало больше — в таком случае не надо рисковать подарком. На всякий случай спать мы все же легли пораньше, а утром кинулись было к елке, к подаркам, но Шурик вовремя вспомнил, что сначала мы должны «изучить обстановку». Стали все внимательно разглядывать. Прежде всего — форточка. Мама всегда под Новый год оставляла ее незапертой, чтобы Дед Мороз смог ее открыть снаружи, когда прилетит. Смотрим, — она даже приоткрыта. Значит, он прилетал, а, улетаая, за собой не затворил ее как следует. И тут Шурик обнаружил за окном, на заснеженном карнизе, след от валенка! А потом, уже на полу около елки, мокрый след от валенка! И тут я вижу под елкой подарок, которых принес мне Дед Мороз — хорошенький деревянный домик, и скотина — домашние животные: лошадь, корова, коза, овца и свинья. Но животные не стоят, как должны бы, аккуратно рядом около домика, а все повалены на бок один за другим, словно домино. «Точно!» — закричал Шурка, — это он задел, когда уже уходил!» Все сходилась к тому, что Дед Мороз существует. Мы стали разбираться со своими

подарками. Шурику был подарен металлический конструктор. Мы, конечно, сразу рассказали родителям о своем исследовании. Папа с мамой, улыбаясь, переглянулись.

Потом нам устроили детскую елку. Перед этим мама на своей швейной машинке «Зингер» строчила из зеленой оберточной бумаги пакеты для подарков. Тогда ведь ничего этого в продаже не было. Она говорила, что надо помочь Деду Морозу, так как дел у него очень много, с пакетами возиться некогда. Подарки-то он принесет, а положить их будет некуда. На праздник собрались, конечно, Симачевы — Юра и Ляля, друзья с нашего двора, приехала наша двоюродная сестра Ирка. Потом приходил настоящий Дед Мороз с белой заснеженной бородой, похожей на вату. Он был в шубе, шапке, варежках и таких же, как у папы, валенках. От него по-настоящему веяло холодом. У него был мешок, из которого он доставал подарки и дарил нам. И мы, счастливые, веселились — играли в прятки, в жмурки, просто носились, устраивали какие-то шарады, пели, водили хоровод около елки, пили чай со сладостями... Когда гости ушли, мы уже без сил едва добрались до постели. А утром мы с Шуркой решили проверить — на месте ли папины валенки. Они обычно хранились на антресоли, которая была над коридором, ведущим в кухню. В нашу половину антресоли дверка была из нашей комнаты, а в половину Симачевых — из кухни. Пока нас никто не видит, мы быстро придвинули стол к двери, взгромоздили на него стул, и Шурик полез выяснять мучивший нас вопрос. «На месте, — от-рапортовал он мне, — даже вещами завалены, а не просто лежат с краешку». На тот год вопрос с Дедом Морозом был закрыт.

ПАПИНА БОЛЕЗНЬ

Весной 1953 года папа тяжело заболел. Вообще, я не помню, чтобы он болел до этого. Во всяком случае, так, чтобы не ходить на работу и тем более лежать в постели. Наверное, было что-нибудь, но он преодолевал это «на ногах».

А тут у него поднялась высокая температура, он лежал. К нему вызывали разных врачей, но их предписания не помогали. Никак не могли поставить правильный диагноз. Так тянулось довольно долго, а папе становилось все хуже и хуже. Наконец, пришел какой-то старенький-престаренький доктор из платной поликлиники «Семашко». Так у нас называлась поликлиника им. Семашко. Стал папу осматривать, прошупывать, простукивать. Слушал он, просто приложив ухо к груди, а потом к спине. «Трубкой» (стетоскопом) не пользовался, что нас очень удивляло. В конце осмотра поставил диагноз — «крупозное воспаление легких», и сказал, что надо ложиться в больницу, так как лечится оно трудно, и самим дома с этим не справиться. В общем, положили папу в больницу, «Кремлевскую», на улице Грановского, куда устроила его, скорее всего, Валерия Алексеевна Голубцова. Там он стал понемногу поправляться.

Мы с мамой ездили навещать папу. Однажды мы приехали либо как раз в тот день, когда объявили о смерти Сталина, либо на следующий. Играла траурная музыка, люди вокруг плакали. Помню, когда мы вошли, папа стоял у окна и смотрел на улицу. Когда обернулся к нам, лицо у него было очень серьезное, но он не плакал. Мама тоже не плакала. Наверное, поэтому и нам с Шуркой не плакалось. Но меня мучил вопрос — как же так, все вокруг плачут, а мои родители и мы — нет. Может, это нехорошо? Что-то тут не так.

Вообще, по поводу Сталина у меня возникали всякие вопросы. Во-первых, когда везде писали и говорили «Сталин наш отец родной!», у меня возникал

внутренний протест — у меня же есть свой замечательный, самый любимый папа. Какой же мне «отец родной» Сталин? И еще было интересно, как он себя чувствует, когда слышит по радио, как его все время хвалят, поют о нем песни, читают стихи? Не чувствует он себя неловко? Однажды я с этими вопросами пристала к папе. Помню, он сидел в кресле и читал, а когда его спросила, посмотрел на меня очень внимательно, на мгновение задумался и ответил: «Не знаю. Возможно, у него нет времени слушать радио».

Однажды моя подружка поведала мне «страшную тайну». Как-то она сидела дома под столом, когда у родителей были гости. Так получилось, она туда залезла, а когда пришли гости, то вылезать ей было уже как-то неудобно, и она решила подождать, надеясь, что они скоро уйдут. Взрослые, не подозревая о ее присутствии, обсуждали всевозможные политические проблемы. Речь шла о Сталине. Разговор был очень бурный, в резких выражениях, и она притихла и уже боялась себя обнаружить, понимая, что присутствовать там ей не следовало. Из разговора она узнала страшную вещь: взрослые утверждали, что Сталин — предатель. Об этом она и рассказала мне «по секрету». Хотя в политике, я, естественно, ничего не смыслили, эта новость произвела на меня ошеломляющее впечатление. Одно слово «предатель» чего стоило. Эта информация буквально «распирала» меня, но поделиться я ни с кем не могла, ведь это — тайна! Единственный человек, кому наверняка можно было сказать, это папа. Вечером, когда он пришел с работы, я помчалась к нему выяснять, действительно ли это правда. Выслушав меня внимательно, и, как мне показалось, с каким-то непривычным напряжением, папа спросил: «Откуда ты это взяла?» Я сказала, что это Лариса услышала дома и рассказала мне. Тогда папа спокойно, но очень твердо сказал: «Запомни как следует — если ты не хочешь, чтобы случилась страшная беда с твоей подружкой, ее родителями, да и со всеми нами, то никогда никому об этом не рассказывай. И обязательно завтра же повтори мои слова Ларисе».

Когда после смерти Сталина на его месте оказался Маленков, то меня мучил вопрос — что же теперь везде будут писать «Слава Маленкову», петь о нем песни, читать стихи и называть «отец родной»? Выяснить это я могла, конечно, только у папы. На что он ответил: «Не знаю. Поживем — увидим».

Наконец, папу выписали из больницы, но при этом сказали, что необходимо долечиваться в санатории, поскольку он еще совсем слабый. И они с мамой, впервые вставив нас «без родительского присмотра», поехали в санаторий МЭИ в Фирсановку. С нами осталась тетя Нина Дрейер, бывшая папина однокурсница по МВТУ. С родителями она дружила и часто приезжала к нам в гости. Вообще она была душой папиной студенческой группы и главным организатором их сборищ.

А в начале лета, определив нас с Шуркой на 1-ю смену в пионерский лагерь, папа с мамой вдвоем отправились на машине по Военно-грузинской дороге. Машину «Победу» папа купил предыдущим летом во время отпуска. Он был записан «в очередь», которая подошла как раз в его отпуск, и папа отправился за ней в г. Горький (Нижегород), на автомобильный завод. Обрато он вернулся уже за рулем новенького автомобиля.

Поистине «все тайное становится когда-нибудь явным». Мы с Шуркой об этой поездке родителей без нас на Кавказ и не подозревали. Но спустя 50 лет я вдруг обнаружила в папиных архивах листок, где было записано, когда и где он проводил отпуск, начиная с 1925 и до 1953 года. Увидев запись — «1953 —

с Нюсей по Военно-Грузинской дороге», я изумилась. Странно, как же мы об этом не знали? Ведь все отпуска, если только папа не бывал в командировке, мы проводили вместе. Смешно говорить, но у меня даже всколыхнулась детская обида — «как это так? Нас отправили в лагерь, а сами на юг, да еще и на машине!» Когда я спросила, он засмеялся: «Да! Был один случай, когда нам с мамой удалось удрать от вас на свободу! Тогда мы решили на полторы недельки уехать на Кавказ и прокатиться по Военно-Грузинской дороге, где когда-то были с ней во время нашего первого совместного отпуска».

Я вспомнила — действительно, в один из родительских дней к нам в лагерь почему-то вместо папы с мамой приехала тетя Нина. Наверное, они и за Джульбарсом попросили ее присмотреть. Сын тети Нины, тоже Шурик, был уже совсем взрослый, поэтому она вполне могла его оставлять одного.

А дело было в том, что после болезни врачи рекомендовали папе съездить летом в Крым или на Кавказ в санаторий, чтобы долечить легкие. В результате того, что диагноз ему был поставлен слишком поздно и своевременно не было проведено должного лечения, у него образовалось хроническое воспаление легких. Но папа не любил домов отдыха и санаториев. Говорил, что это почти то же, что больница. Вот они и отправились в теплые края, но вместо санатория путешествовали на машине.

После этой болезни папа стал регулярно делать утреннюю зарядку, специальные дыхательные упражнения и закаливаться. И делал он это до конца своей жизни. Он говорил, что лучше уж встать пораньше и потратить немного времени на зарядку, чем валяться по больницам. Вставал он обычно в 5.45.

«САМОЕ СТРАШНОЕ НАКАЗАНИЕ»

Пока родители были на Кавказе, у нас в пионерском лагере произошло «ужасное» событие, «позорящее Шуркин отряд, весь лагерь и наших родителей», — так говорили пионервожатые. Дело в том, что Шурка вместе с ребятами удрали купаться на «очень опасное» Глубокое озеро. Говорили, что оно действительно очень глубокое, берега крутые, а дно илистое и засасывает, поэтому там очень легко утонуть. Когда это обнаружилась, — кто-то из ребят наябедничал, их разыскали и под конвоем вернули в лагерь. Переполох был страшный. За такой проступок полагалось сообщить родителям и выдворить из лагеря. Разбираться с этим ЧП приехало «начальство из Москвы» — какой-то важный дядька. Помню, он вместе с моей пионервожатой — Люсей Брускиной, старшей сестрой моей подружки по нашему дому в Москве, беседовали со мной и просили «повлиять на Шурку». Как выяснилось почти через 55 лет, тогда «спасать ситуацию» приехал Константин Александрович Победоносцев, который в то время был папиным студентом и секретарем комсомольской организации факультета (впоследствии директором ОКБ МЭИ). На факультете знали, что Котельников взял отпуск и поехал подлечиться на Кавказ, а его дети находятся в МЭИвском пионерлагере, он попросил «в случае чего как-то подстраховать». Когда случилось это происшествие, то руководство факультета попросило Победоносцева как-то это дело уладить. Через много лет он рассказал мне, что когда они с Люсей стали говорить о Шуркином безобразном поведении, я кинулась его защищать. Говорила, что он хороший и что ничего нет особенного в том, что они сбегали искупаться, ведь очень жарко, а организовано нас купаться не водят. Сама я этого не запомнила. Они объяснили, что на пионервожатых и других сотрудниках лагеря лежит ответственность за детей, а озеро действи-

тельно очень опасное, и многие, даже хорошо умеющие плавать, там тонут. Я «прониклась» и отправилась «влиять» на Шурика, на что он мне ответил: «Сама ведь, если б мы тебя позвали с собой, тоже побежала с нами. Да ладно, не переживай, больше не буду». Дело было улажено. Беглецам, конечно, объявили выговор «на линейке» и этим ограничились. Шурик тогда больше всего переживал, что об этом узнает папа. Не знаю точно, но, по-моему, папе так ничего не сказали. Во всяком случае, серьезных разборок я не помню.

Папа, обычно, был очень занят, и нашим «повседневным» воспитанием занималась мама.

С Шуриком у нас разница была около 2-х лет. Мы вместе росли и, естественно, даже не могли себе представить существование друг без друга. У нас было все общее: игрушки, книги, игры, друзья... По характеру мы были очень разные. Шурка — очень живой, озорной и задиристый. А я, как говорили родители, — спокойная, рассудительная и очень самостоятельная. Поскольку со мной никаких проблем не было, как говорила мама, «на фоне Шурика — образцово-показательная», то вся ее энергия была сосредоточена на сыне. А там были разбитые футбольным мячом окна, всякие мальчишеские проказы в школе, вроде пойманного в Язуе ужа, которого засунули в ящик учительского стола, прогулы уроков, словом, «подвигов» было много. О многих родители так никогда и не узнали. Сейчас же, осознавая, какие у некоторых из них могли быть последствия, у меня холодеет сердце. Поскольку мы очень дружили, то в части их я участвовала, но брали меня не всегда — маленькая, да к тому же девчонка. При моей попытке отговорить их от какой-нибудь слишком опасной затеи соглашались со мной редко. Чаще я получала в ответ: «Не хочешь — не участвуй». Хранить тайны и не ябедничать у нас было делом чести. Когда же кого-нибудь из нас наказывали, чаще это бывал Шурик, мы тут же вставали на защиту пострадавшего, даже если наказание было заслуженным. При всей нашей дружбе и любви друг к другу у нас было постоянное «противостояние». Шурка был «приставучий» — часто дразнился и задирался, так что приходилось давать отпор. Дело часто кончалось дракой.

Много лет спустя, когда мы стали уже взрослыми, он безапелляционно заявлял: «Это я тебя воспитал». В этом была доля правды — в какой-то степени мы, действительно, друг друга воспитывали.

Шурик был очень способным, так что учился он, несмотря на все свои проделки, хорошо. Порой, правда, хватал двойки — по лени или небрежности. Мама была человек решительный и горячий, и ему здорово доставалось. Она его ругала, вразумляла, ставила в угол, иногда даже «наподавала», правда, это было чисто символически, скорее как моральное воздействие. Когда арсенал «воздействий» иссякал, она переходила к тяжелой артиллерии — говорила: «Придется пожаловаться папе». Как правило, это действовало безотказно. Тогда нам было очевидно, что это, действительно, крайняя мера. И это удивительно, ведь папа нас никогда не ругал, не кричал, не наказывал, не читал нудных нравоучений. Он спокойно и доброжелательно, без раздражения, в серьезных случаях, правда, довольно жестко говорил: «Ну как же так, разве так можно делать? Ты что, сам (сама) не понимаешь, что это никуда не годится?» Если не было быстрого понимания, то дальше следовало короткое вразумительное объяснение, почему так поступать нельзя. В большинстве случаев этого оказывалось достаточно. Если нет, то беседа длилась дольше, но в том же тоне, до полного понимания. И Шуркина строптивость куда-то улетучивалась. Перед папой почему-то было

ужасно стыдно, если сделал что-нибудь недостаточно хорошо или как-нибудь плохо поступил. Самым страшным наказанием для нас было, если мы чувствовали, что он недоволен или расстроен нашим поведением.

Раздраженным, даже сердитым, папу я видела лишь однажды, когда мы были еще маленькие. Как-то мы всей семьей сидели за столом и обедали. Стол у нас был «еще из папиного детства», внизу у него перекладки крест-накрест, на которые было очень удобно ставить ноги. Две перекладки были мои и две — Шуркины. Места наши были напротив, чтобы за столом не возникало драк. Обычно все выглядело вполне пристойно, но под столом шли сражения. Шурка не мог долго сидеть за столом спокойно — ему было скучно, и под столом он постоянно вторгался на мою территорию и спихивал мои ноги с перекладин. Поскольку он старше, и ноги его длиннее, перевес всегда бывал на его стороне. Папа, конечно, все видел и сделал замечание. Шурка притих, но ненадолго. Нападение повторилось. Последовало второе замечание. Шурка притих чуть на более длительный промежуток времени, после чего еще более ожесточенно напал на меня. Все повторилось в третий раз. Тут уж я не выдержала и в открытую дала ему сдачу. Папа спокойно, но твердо сказал: «Шурик, что за безобразие?» На что Шурка, как ни в чем, ни бывало, даже, вроде, обиженно говорит: «А я что? Это она все!» И тут папа возмутился: «Как тебе не стыдно! Мало того, что ты врешь, ты еще и вину свою сваливаешь на другого!» Шурка, чувствуя свою вину, притих. А мне его стало жалко.

КЛЯЗЬМИНСКОЕ ВОДОХРАНИЛИЩЕ

Остаток лета 1953 года мы провели на даче. На июль–август родители сняли дачу в селе Александровском на берегу Клязьминского водохранилища. Там же снимал и папин коллега по МЭИ — Леонид Иванович Кузнецов. А в соседнем селе Троицкое, которое находилось через болотистый заливчик от Александровского, тоже отдыхали знакомые МЭИвцы — профессор В.В. Мешков и профессор В.А. Кириллин, которые дружили и снимали там дачу уже не один год. По-видимому, кто-нибудь из них и порекомендовал папе эти места.

Место нам очень понравилось. Деревенские избы вытянулись в один ряд вдоль берега водохранилища, метрах в 100–150 от воды, и можно было в любой момент прямо из дома босиком и в купальнике бегать купаться. А через деревенскую улицу — поле, за которым начинался замечательный лес.

Снимали две комнатки и терраску, которая была со стороны водохранилища. Ели мы обычно на терраске. С нее можно было любоваться водным простором, кружащими над ним чайками, плывущими парходами, речными трамвайчиками и «Ракетами» на подводных крыльях, очень красиво летящими по водной глади. Хотя дома располагались около самой воды, комаров там было очень мало. Папа очень удивлялся и радовался этому, потому что обычно они его заедали. Мама переносила их спокойно, а папу они кусали нещадно. Отсутствие их папа объяснял тем, что на большом пространстве водохранилища и открытого берега их просто сдувало ветром. Водохранилище в этом месте было широкое, только в очень хорошую погоду был едва виден противоположный берег.

У нашего хозяина, как и у большинства жителей деревни, была своя лодка, и он разрешал нам на ней плавать, когда она бывала свободна.

Плавали вдоль берега и в Троицкое — в гости к Мешковым, с которыми мы жили в Москве в одном доме. У папы были очень хорошие отношения с Владимиром Васильевичем, а я дружила с его дочкой Санечкой, которая была немного старше меня.

Выходить далеко «в открытое море» мы опасались после того, как однажды нас там застиг шторм. Отправились мы как-то покататься на лодке. Погода была чудесная, туч на горизонте не было, и заплыли мы довольно далеко, но так, что берег был виден еще очень хорошо. И вдруг подул страшный ветер, поднялись огромные волны, внезапно стало совершенно темно и началась гроза. Нашу лодку кидало из стороны в сторону, заливало водой... Папа греб изо всех сил, стараясь при этом нас подбодрить, мама лихорадочно вычерпывала воду, нам же было велено крепко вцепиться в скамейку и держаться что есть сил, чтобы не вывалиться за борт. Куда плыть, было не понятно — волны высокие, берега абсолютно не видно, сориентироваться не по чему. Казалось, что лодка вот-вот перевернется и пойдет ко дну. Нам с Шуркой казалось, что все это длится вечно! Как это папе удалось доплыть до берега — было совершенно непонятно. К счастью, тогда все обошлось благополучно.

А еще в то лето папа приобрел разборную лодку-байдарку «Луч». Когда у него начался отпуск, в первый же солнечный денек мы, разложив все на берегу, начали с ней разбираться. Прежде всего выучили названия всех деталей, которые звучали тогда загадочно, по морскому. Папа, руководствуясь схемой, приступил к сборке, а мы по его команде быстро притаскивали нужную деталь. И когда, наконец, из этого множества кусочков получилась настоящая очень красивая лодка, все были в восторге! Она оказалась очень быстрой и, к нашему удивлению, гораздо более устойчивой, чем казалась с виду. А главное, помещались мы в ней все вчетвером. Там, на водохранилище, мы совершали наши первые байдарочные походы. Правда, наученные горьким опытом, плавали только вдоль берега.

Когда погода была не очень подходящая для купания и плавания, мы ходили в лес за грибами и за ягодами, ездили на велосипедах.

Из Москвы добираться до Александровки было непросто. Можно было на речном трамвайчике, от Химок, но обычно там было очень много народа. Иногда ходила «Ракета» на подводных крыльях.

К этому времени папа купил «Победу». От шоссе надо было ехать по проселку, а потом через березовую рощу. Грунт был торфяной. Лето 1953 года выдалось очень дождливое, и поэтому, как только надо было съезжать с шоссе, папа останавливался и надевал на колеса специальные цепи. По проселку в таком виде проехать было возможно, но в лесу даже это не помогало. Если же во время или после дождя по лесной дороге хоть раз прошла машина, не говоря уж о грузовике, ехать по ней было абсолютно безнадежно. Поэтому мама с папой «прокладывали трассу по целине» между деревьями. Проходили пешком и делали метки на березах, между которыми надо ехать. У них были свои тайные знаки, чтобы никто другой не успел воспользоваться их дорогой, поскольку в дождливую погоду она была «одноразового использования». А затем был автомобильный «слалом» — надо было промчаться на большой скорости между деревьям по намеченной трассе, ни в коем случае не останавливаясь. Замешкаешься — застрял.

Однажды мы возвращались из Москвы. Как обычно, родители разметили трассу и мы поехали. И вдруг пошел жуткий ливень, да такой, что почти ничего не было видно. Папа помчался, с напряжением выискивая сквозь завесу дождя очередную отмеченную березу, стараясь при этом не врезаться в дерево, и вдруг чуть замешкался и ... мы «сели»! Ливень стеной. Вода поднимается, и мы, по видимому, увязаем все больше и больше. Пережить безнадежно. Чем дольше стоишь, тем больше увязает. Папа надел резиновые сапоги, которые всегда

были наготове, и отправился сооружать мостки из больших веток и бревен, чтобы попытаться выбраться. В багажнике всегда был инструмент для таких работ. Когда мостки были готовы, то оказалось, что ключ от зажигания потерялся. Обыскали все в машине. Папа пытался обшарить все вокруг, даже в луже, которая образовалась под машиной и вокруг нее, — но воды было уже по колено, а внизу вязкий торф. Уже стемнело. Тоска! Мы уже все промокли, замерзли... А ливень — еще пуще. Было ощущение, что скоро вода затопит нас вместе с машиной. Отчаявшись найти ключ, папа сел в машину. Видя, что мы приуныли, он предложил петь песни, чтобы совсем не «закинуть»: «Это все пустяки. Утонуть мы не утонем, а дождь когда-нибудь все же кончится», — подбадривал он нас. И так мы, мокрые и продрогшие, сидели в темноте, посреди уже даже не огромной глубокой лужи, а настоящего озера и во все горло орали песни. Сначала пели невпопад, путались. Это было смешно. Стало немного повеселее. А потом разошлись и уже бодро, слаженно и весело горланили песню за песней. И вдруг папа быстро выскочил из машины и через несколько мгновений вернулся с ключом. «Пение вдохновило — и его осенило». Оказалось все до обидного просто — ключ торчал в замке багажника. Но это была еще не полная победа, а начало дальнейшей борьбы за выживание. Теперь уже все пошло гораздо веселее — по крайней мере, можно было действовать дальше. Домой приехали уже совсем поздно ночью. Первым делом надо было согреться, а это там было не так-то просто. Дом не отапливался. Но в конце концов нагрели воды на керосинке, кое-как нас отогрели, напились чая и были совершенно счастливы — со смехом вспоминали наше приключение.

Как-то родители с утра уехали в Москву и должны были вечером вернуться. Остались мы с Натальей Михайловной. День прошел нормально. Наступил вечер, время, когда папа с мамой должны были уже приехать. А их нет. Погода вроде хорошая, дождя не было, и застрять в лесу они не должны были... Ждем дальше. Уже совсем стемнело. А их все нет! Мы начали волноваться — не случилось ли что? Стало как-то неуютно, тоскливо. Спать мы не ложимся, ждем. Уже ночь на дворе. Чего только мы ни передумали. А их нет и нет!!!

Наконец, уже далеко за полночь вдруг являются! И что же оказалось?

Папа не любил «исхоженных троп», и если ему предоставлялась возможность, он выбирал неизведанный путь. Так было и в тот раз. Ехали они с мамой домой, вечер был хороший, время еще не очень позднее, и решили они разведать новую дорогу. По папиной «прикидке» от шоссе к нашей деревне можно, вроде, проехать через поле по проселку. Он видел там какую-то дорогу. Решили попробовать. Уже смеркалось, но родители рассчитали, что успеют добраться засветло. Свернули с шоссе на этот проселок и поехали. Ехали, ехали, уже стемнело, а дорога эта все время петляет и петляет, постепенно поворачивая совсем не в том направлении, куда надо. Ориентировался папа очень хорошо. Остановились, огляделись. Он определил, в каком направлении им следует двигаться, и решили ехать напрямик через поле. Оно было непаханое, заросшее дерном, так что вполне по нему можно было ехать. Так они и поехали в темноте по этому полю, подскакивая время от времени на ухабах. Вдали уже показались огоньки нашей деревни, как вдруг их тряхнуло, они кувыркнулись и оказались в глубоком кювете. С трудом выбравшись из машины и осмотревшись, они поняли, что самостоятельно вытащить оттуда машину невозможно. Решили идти пешком за помощью в деревню. Добрались, ковыляя по этому полю, до деревни и стали стучать в избы — в одну, в другую. Кто-то просто не открывал, кто-то

говорил, что ничем помочь не может. Наконец, им показали дом тракториста, сказав, что единственный, кто может помочь, — это он. Пришли к нему — он пьяный. Говорит, мол, уже поздно, я отдыхаю, то да се... Папа уговаривает: «Я заплачу, сколько надо». Он — ни в какую. Нет так нет, и родители повернулись уходить. Тут тракторист встрепенулся: «Постойте, — говорит, — вот если дадите бутылку водки, тогда вытащу вашу машину!» К счастью, у папы в машине была бутылка водки. Так и договорились. Сели на трактор, и он вполне бодро, без приключений доехал до нужного кювета и вытянул оттуда нашу «Победу». До деревни родители ехали уже следом за трактором, чтобы в темноте не угодить еще куда-нибудь. Тракторист, хоть и пьяный, но на местности ориентировался прекрасно. Бутылку папа вручил ему только уже в деревне, поскольку тот и без нее едва держался на ногах.

С отдыхом в Александровке у меня связано одно очень неприятное воспоминание — там я потеряла папин замечательный перочинный нож.

Около нашего дома на берег, где мы обычно купались, выбрасывало из воды много мусора — всякие водоросли, ветки, палки. И среди всего этого попадались куски сосновой коры. Она у нас очень ценилась — из нее было очень хорошо вырезать лодочки и всякие другие вещи. Как-то мне попался очень хороший кусок, и я попросила у папы его любимый перочинный ножик, которым было очень здорово отпиливать, вырезать, протыкать... Обычно папа давал нам его, но всегда предупреждал: «Только не обрежься и не потеряй его, пожалуйста». И вот, заполучив этот нож, я, радостная, помчалась на берег и принялась вырезать лодку. Неподалеку лазали по лодкам и бегали местные мальчишки, иногда подбегая ко мне поближе и заглядывая — что я делаю. Но они были сами по себе. Неожиданно меня позвали домой. Я собрала свое имущество и побежала. Дома я с ужасом обнаружила, что ножа нет. Бросилась на берег. Там уже никого не было, мальчишки куда-то испарились. Обыскала все, «прочесала» всю траву вокруг того места, где мастерила, несколько раз прошла по тропинке к дому и обратно, внимательно просматривая все — вдруг я его обронила. Нет ножа! Расстроилась ужасно. Такой был замечательный ножик. Но больше всего я переживала, из-за того, что папе будет очень досадно. Он им все время пользовался, очень его ценил и берег. В таком состоянии я побрела домой. Собравшись с духом, вся зареванная, поведала папе о случившемся. Чувствовалось, что это его огорчило, но, видя, что я очень переживаю, он постарался меня успокоить: «Ну, не плачь, пожалуйста. Жаль, конечно, но что теперь поделаешь. Пойдем лучше попробуем его отыскать».

Нож мы, конечно, не нашли. Трава там была не очень высокая, и так просто затеряться он не мог — был достаточно большой и яркий. Конечно, его взяли мальчишки — либо стащили, когда я зазевалась, либо просто подобрали, если обронила по пути домой. Кроме них на берегу тогда больше никого не было. Потом папа спрашивал их — не находили ли они ножик, но никто из них не сознался. Дальнейшего «расследования» он проводить не стал.

Спустя несколько лет в одной из командировок папа купил себе хороший перочинный нож, подобный старому, у которого было даже больше возможностей. Только мне казалось, что лучше того ножа не бывает. И я все мечтала подарить когда-нибудь ему точно такой, как тот, утерянный. Но так нигде и не нашла — ни у нас в стране, ни за рубежом, куда уже сама стала выезжать в командировки. Скорее всего, на смену пришли новые модели, возможно, гораздо лучшие, но не такие.